

Презентация темы Конгресса NLS 2026

Патрисией Боскен-Кароз

VARITÉ

Вариации истины в психоанализе

«Я всегда говорю истинную правду. Не всю, потому что сказать всю правду — дело безнадежное. Высказать истину целиком просто невозможно, невозможно в чисто материальном смысле — для этого не хватает слов. Больше того, самым этим „невозможно“ и обусловлена как раз зависимость истины от Реального».

ЖАК ЛАКАН, *Телевидение*

XXIV Конгресс NLS предлагает исследовать вариации истины в психоанализе. Лакан сгустил в неологизме *varité*¹ вариации истины, которые производятся в анализе в русле последовательных раскрытий. Лакан утверждает: нужно открыть себя измерению истины как переменной, и добавляет, что говоримое анализантом — это не истина (*la vérité*), а варьете, разнообразие *синтома* (*la vari(é)té du sinthome*). На протяжении всего своего учения Лакан не переставал ссылаться на истину — понимая ли ее сначала как Истину с заглавной буквы (*La vérité*), или позднее — как истину множественную, переменную и лживую. И всё-таки одно осталось неизменным: сочленение истины — или эффектов истины — со структурой языка и речи, вплоть до самого «языкового бульона» («*bouillon de langage*»²).

¹ Lacan J., « L'insu que sait de l'une-bévue s'aile à mourre », leçon du 19 avril 1977, inédit.

² Там же.

Лакан с самого начала подчеркивал другое измерение речи — отличное от выражения и посредничества: раскрытие (*la révélation*). Раскрытие касается обнаружения истины, предположительно скрытой, завуалированной, и совпадает с *моментом видения* (*l'instant de voir*). Так истина то раскрывается, то ускользает или сбегает, тогда как анализ — это серия раскрытий, для каждого субъекта особенных. В своём основополагающем тексте «*Функция и поле речи и языка в психоанализе*»³ Лакан противопоставляет полную речь — пустой; полная речь — это та, где реализуется истина субъекта. В этой перспективе истина раскрытия связана с истиной в речи. «[И] тем самым сталкивает нас с реальностью того, что ни истинным, ни ложным не является»⁴. Эта реальность не имеет отношения к точности и никак не соотносится с реальностью объективной. Истина речи не основана на соответствии слова вещи. Сам Фрейд, после долгих исследований, в конце концов перестал верить в объективную реальность травматических событий, которые в бессознательном неотличимы от вымысла, «фикции, нагруженной аффектом»⁵. Жак-Ален Миллер формулирует это так: в анализе «речь идет не о том, чтобы сказать, что есть»; «а о том, чтобы сделать истиной то, что было. И есть то, что истиной так и не стало: травматические события, то, что образовало дыру [...] Нужно привести речь к тому, что не смогло занять в ней своё место.»⁶

Но, прежде всего, Лакан определяет новизну фрейдовского открытия в свете того, что врывается в дискурс субъекта, дискурс, который «следует обычно [...] путем ошибки, непризнания, даже запирательства»⁷. Истина возникает из промаха (обознания), оговорки, ошибочного действия, из того, что даёт

³ Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. М.: Издательство «Гнозис», 1995. — 192 с.

⁴ Там же. С. 26

⁵ Freud S., *Lettres à Wilhelm Fliess, 1887-1904*, Paris, PUF, 1956, lettre 69 du 21 septembre 1897, p. 191.

⁶ Miller J.-A., «L'orientation lacanienne. Choses de finesse en psychanalyse», enseignement prononcé dans le cadre du département de psychanalyse de l'université Paris 8, cours du 18 mars 2009, inédit.

⁷ Лакан Ж. *Семинары, Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа* (1953/54). М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос» 1998. С. 346

сбой, и что «[выдает] находящуюся позади них истину», иной смысл. Она возникает в форме спотыкания, которое прерывает ход субъективного повествования и превосходит его. «В обознании (*la méprise*) истина хватается опшибку за шиворот».⁸ Это означает, что субъект не знает, что он говорит — он всегда говорит больше, чем хотел, всегда больше, чем знает о том, что говорит.

Истина, вытеснение и история

Ж.-А. Миллер в своём тексте «Новый альянс с наслаждением»⁹ отмечает, что, по Лакану, анализ для субъекта заключался в прогрессе Истины в единственном числе, той, что предположительно вписана в непрерывность истории. Термин «история», как его использует Лакан в тексте «Функция и поле речи и языка в психоанализе», соотносится с понятием бессознательного. «Бессознательное — это та глава моей истории, которая отмечена пробелом или покрыта ложью: это глава, подвергнутая цензуре»¹⁰. В анализе речь идёт о том, чтобы восстановить эту историю. Последовательно снимая вытеснение, снимая вуаль, восстановить непрерывность истории и вновь обрести скрытую истину. Опыт Фрейда с истеричками научил его не путать биологическую память с воспоминаниями, которые касаются восстановленной истории субъекта. Эта последняя предполагает *ресубъективацию* события и его *реструктурирование* задним числом (*après-coup*). Именно поэтому Лакан изначально определял психоанализ как принятие субъектом своей истории, в то время как она конституируется в речи, обращённой к другому.

Говоря о случае Доры, Лакан позднее упомянет выражение «виток движения к истине», «развитие истины» («*développements de la vérité*»), участвующее в

⁸ Там же. С. 347

⁹ Cf. Miller J.-A., « Une nouvelle alliance avec la jouissance », *La Cause du désir*, no 92, avril 2016.

¹⁰ Lacan J., « Fonction et champ... », *op. cit.*, p. 259.

«диалектических поворотах»¹¹, а следовательно — в прогрессе анализа. Вытеснение и истина таким образом являются антонимами. «Концепт вытеснения вызван, востребован опытом раскрытия»¹². Но в своём возвращении к Фрейду Лакан прежде всего восстанавливает режущий край фрейдовского открытия, которое уводит от правдивости фактов. Во «Фрейдовой вещи» он уточнит, что существенное открытие Фрейда заключается в следующем: «Оно говорит, и говорит там, где этого меньше всего ожидали: там, где оно страдает»¹³. «Я, истина, говорю»¹⁴. Отметим, что это утверждение — прежде всего высказываемое (*énonciation*), а не эго-высказывание (*énoncé moi-même*), которое утверждает личное убеждение против общепринятой доксы.

Истина и знание

Лакан начал с того, что противопоставил истину знанию и подчеркнул первичность истины по отношению к знанию. Ссылаясь, в частности, на парадокс Менона, он утверждал, что «эпистема, то есть знание, связанное требованиями формальной связности, не покрывает собой всего поля человеческого опыта»¹⁵. Говоря об *alèthès doxa*, об истинном мнении, Лакан отмечал: «В нем имеется нечто истинное, но в то же время недоступное формально упорядоченному знанию»¹⁶. По аналогии с диалектическим приемом в диалоге Менона и Сократа, Лакан подчеркивал творческое и возникающее внезапно измерение истины, в котором мы работаем, — истины, которая не является готовым знанием.

¹¹ Лакан Ж. *Слово о переносе* // Международный психоаналитический журнал № 3. С. 68.

¹² Miller J.-A., « La vérité fait couple avec le sens », *La Cause du désir*, no 92, op. cit, p. 87.

¹³ Лакан Ж. *Фрейдова вещь*, Написанное, том 1. С. 301.

¹⁴ Там же, С. 296.

¹⁵ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2009 (1-е изд.: 1999). С. 26

¹⁶ Там же.

Лакан откажется от этой оппозиции между истиной и знанием. И только в его «Предложении об аналитике Школы», будет показано сочленение между ними, которое затем Лакан формализует в матеме аналитического дискурса. Истину и знание нельзя просто отнести к двум разным классам. «То, что в момент рождения представляется как истина, становится знанием, когда оно записывается и оседает»¹⁷. Предложение о Пассе вписано в эту перспективу: знание о бессознательной истине. Истина сначала предстает как не-знание, она проявляется через свободные ассоциации и в итоге приобретает форму знания. «[А]ртикулировано оно будет в цепочке букв, выстроенной столь строго — говорит Лакан, — что если мы ни одну из них не упустим, непознанное упорядочится, обравив собой знание»¹⁸. Лакан также определяет в терминах знания то превращение, которое происходит в конце анализа — от бытия желания к бытию знания. Как видно, речь уже не идёт об истине, которая скажет: «я говорю», а об истине, которая «посажена на цепь, опустошена от значения, а потому — от страсти»¹⁹. Аналитический диспозитив заключается тогда в том, чтобы собирать означающие, представляющие ценность истины, имеющие значение для субъекта. Этот диспозитив предполагает акт аналитика, направленный на вычленение этих означающих.

Тем не менее, Лакан в итоге снизит значимость знания, когда речь зайдёт о подступе к Реальному. В Семинаре *Ещё* он упомянет выражение «плод работы знания над языком» (*élucubration de savoir sur la langue*). Структура языка в этом контексте сводится к фикции, в то время как бессознательное

¹⁷ Miller J.-A., « Le paradoxe d'un savoir sur la vérité », *La Cause freudienne*, no 76, décembre 2010, p. 124.

¹⁸ Лакан Ж. *Предложение от 9 октября 1967 года о психоаналитике Школы* // Международный психоаналитический журнал № 4. С. 10.

¹⁹ Miller J.-A., « Le paradoxe d'un savoir sur la vérité », *op. cit.*, p. 129.

осмысливается как «знание того, как с языком обращаться»²⁰ (*un savoir-faire avec la langue*). Но что тогда становится с истиной? Что с раскрытиями?

Лживая истина и фикция

Эффекты раскрытия являются вехами в анализе до определённой точки. Они указывают на то, что истина производится в речи; именно поэтому Лакан утверждал, что истина имеет структуру фикции. С самого начала он уточнял, что термин *фикция* не обозначает ничего иллюзорного или обманчивого. Характер фикции, который носят мифы и детские сексуальные теории — тому свидетельство. Нарративная структура их повествования позволяет подступиться к темам, таким как смерть, существование и не-существование, то есть к тому, что относится к порядку невыразимого. Аналогично, эта структура является важнейшим измерением аналитического опыта. Тем не менее, анализ может быть доведён до регистра, где истина уже не действует: до наслаждения — точки остановки нарратива, содержащего в себе раскрытия. Нельзя сказать истину о наслаждении, и нельзя сказать всю истину. В связи с этим можно отметить, что Лакан никогда не переставал выступать против идеи прозрачности слов в отношении Вещи, а также против представления истины как всего. Можно лишь кружить вокруг неё или полусказывать (*mi-dire*). Следовательно, речь, установленная аналитическим дискурсом, принадлежит к порядку фикции, лживой истины. Язык — это кажимость, видимость (*semblant*), и в отношении Реального он может лишь лгать. Фрейд уже указал на функцию *proton pseudos* (первой лжи) в случае Эммы. Лгать, таким образом, не относится к оппозиции между достоверностью и ложью.

Уже в своём первом Семинаре Лакан подчёркивал, что речь разворачивается в измерении обманчивой истины. Истина — это ложь, потому что она

²⁰ Лакан Ж. *Ещё* (Семинар, Книга XX (1972/73)). М.: Издательство “Тнозис”, Издательство “Логос”. 2011). С. 165

зависит от повествования, от конструирования, от смысла, который придаётся событиям. Обращение к тексту «Предисловие к английскому изданию *Семинара XI*», где Лакан упоминает выражение «лживая истина», могло бы читаться в контрапункте с «Функцией и полем...», как уже предлагал нам Ж.-А. Миллер. Там Лакан указывает на другой регистр, в котором истина более не уместна, разве что как ложь — регистр наслаждения и его удовлетворения.

Лживая истина становится тогда плодом работы (*élucubration*) знания о Реальном, что, впрочем, не отменяет того, что эффекты истины происходят и что аналитик должен быть к ним внимателен. «Психоанализ — это то, что делает истинное. Но делать истинное — как это понимать? Это вспышка смысла, *белый смысл (sens blanc)*»²¹, — говорит Лакан.

Истина, прерывность и вариации

Для Лакана истина неотделима от повествования, которое восстанавливает непрерывность истории субъекта, придавая смысл тому, что не могло быть сказано или было сказано не так. Повествование «берёт на себя то, что осталось как дыра в реальности субъекта, [чтобы дать] смысл его травматизму, его неизгладимым образам, его монументальным сценам»²². Речь идёт о восстановлении непрерывности между этими дырами, через рассказ, предназначенный другому. Но вместо идеала истории, восстановленной в её непрерывности, Лакан в конечном итоге предложит концепцию прерывной истории, составленной из разрозненных обрывков, вспышек, возникновений, раскрытий. Нарративная прерывность ставит под вопрос идею единой и однозначной истины. «Сама артикуляция аналитического дискурса приводит анализанта к построению, к сотканию ткани лживой истины, ткани истины переменной, изменчивой, истины, которая постоянно скатывается в ложь,

²¹ Lacan J., «L'insu que sait...», op. cit., leçon du 10 mai 77.

²² Miller J.-A., «La vérité fait couple avec le sens», op. cit., p. 88.

которая лишь переходна, и к тому, чтобы плести эту ткань из случайностей, прошлых и повседневных»²³.

Так, в ходе анализа одни раскрытия сменяются другими, иногда ставя под сомнение предыдущие. Более того, благодаря своим скандированиям и пунктуациям, акт аналитика участвует в вариации истины. Именно так бессознательное обретает смысл, и этот смысл не перестает переинтерпретироваться по-разному. Истина варьируется, множится, в то время как история (*hystoire*) теперь осмысляется как та, что конструируется для другого в измерении переноса. Нет идеальной непрерывности, но есть история переносная и единичная.

Одно точно: *varité* — вариации истины — остаются заботой психоанализа. В эпоху пост-истины он идёт против течения преобладающего дискурса, в котором ссылка на истину исчезла, а вместе с этим происходит обесценивание и даже деградация самой речи. Задача нашего конгресса — заявить об этическом измерении отношения субъектов к истине и речи, как условию самой их *анализабельности*. «Испытание истины — это анализ, в котором пытаются сказать истинное, а компаньон-аналитик присутствует, чтобы вдохновить вас на определённую страсть — сказать истинное»²⁴.

Перевод с французского / Traduction du français: Дарья Вайнштейн / Daria Weinstein
Перечитано с французского / Relire du français: Рузанна Акопян / Ruzanna Hakobyan

²³ Miller J.-A., « L'orientation lacanienne. Choses de finesse en psychanalyse », op. cit., cours du 11 février 2009.

²⁴ Miller J.-A., « La passe bis », *La Cause freudienne*, no 66, juin 2007, p. 211.